

⁴ <http://delcode.delaware.gov/title8/c001/sc09/index.shtml>

⁵ См. также Cal. Corp. Code § 152, 1201(a), (b), (e) (http://www.leginfo.ca.gov/html/corp_table_of_contents.html) and Rev. Model Bus. Corp. Act § 11.03(e) (2002). Ранее корпоративные законы предусматривали единогласное утверждение акционерами слияний и аналогичных деловых комбинаций. See generally, Carney, Fundamental Corporate Changes, Minority Shareholders and Business Purpose, 1980 Am. B. Found. Res. J. 69 (1980); Manning, The Shareholder's Appraisal Remedy: An Essay for Frank Coker, 72 Yale L. J. 223 (1962); Vestal, The Rights of Dissenting Shareholders: Protecting the Owners Manning Forgot, 37 Kan. L. Rev. 349 (1989). При определении, какие классы корпоративных ценных бумаг дают право голосовать по вопросу заключения договора о слиянии или присоединении, соответствующее право голоса может быть определено уставом корпорации.

⁶ Приказ Министерства финансов Российской Федерации № 44н от 20 мая 2003 года «Об утверждении методических указаний по формированию бухгалтерской отчетности при осуществлении реорганизации организаций» // «Российская газета» от 2 июля 2003 г. № 127.

⁷ Собрание законодательства РФ 2002 г. № 30, ст. 3012.

Европейская конвенция прав человека и Хартия ЕС об основных правах – сравнительный анализ толкования и применения Судом ЕС и Европейским Судом по правам человека

Рябова В. О.*

Весной 2013 года завершились длительные переговоры между представителями Европейского союза и Совета Европы о присоединении ЕС к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, результатом которых стал проект Соглашения о присоединении. В связи с тем, что возможность присоединения ЕС к ЕКПЧ больше не ограничивается положениями, закрепленными в Протоколе № 14 к Конвенции и статье 6 Договора о Европейском союзе, особую актуальность приобретают вопросы взаимодействия Суда ЕС и Европейского суда по правам человека по делам о правах человека, а также соотношения двух основных европейских документов о правах человека – ЕКПЧ и Хартии ЕС об основных правах в контексте их толкования и применения судами.

Ключевые слова: Суд Европейского союза; Европейский суд по правам человека; Хартия ЕС об основных правах; Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод; присоединение ЕС к Европейской конвенции.

Согласно пункту 3 статьи 52 Хартии Европейского союза об основных правах, смысл и применение содержащихся в Хартии прав, соответствующих правам, гарантируемым Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод, совпадают со смыслом и применением, установленными названной Конвенцией. Данное положение не является препятствием для более широкой защиты таких прав по праву Европейского союза¹.

Положения Хартии ЕС об основных правах во многом воспроизводят положения об основных правах человека, закрепленные в ЕКПЧ. Прежде всего, это касается гражданских, социально-экономических

---

* Рябова Виктория Олеговна – аспирант кафедры ЕП МГИМО (У) МИД России. victoryabova@gmail.com.

и политических прав. Согласно Пояснениям к Хартии, 12 ее статей повторяют соответствующие статьи ЕКПЧ, а 7 статей соответствуют статьям Конвенции, но имеют более широкую сферу применения².

Хартия ЕС об основных правах, повторяя большинство положений ЕКПЧ об основных правах человека, расширяет сферу их применения в рамках права ЕС, а также дополняет их целым рядом новых положений. С юридической точки зрения между основными актами ЕС и СЕ о правах человека не существует противоречий. В то же время соотношение этих двух европейских документов не может рассматриваться в отрыве от их толкования и применения Судом ЕС и Европейским судом по правам человека.

Толкование и применение Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ЕСПЧ и Судом ЕС

Статья 32 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод наделяет Европейский суд по правам человека компетенцией по толкованию и применению ЕКПЧ. Данная статья устанавливает, что «в ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые могут быть ему переданы в случаях, предусмотренных положениями статей 33, 34, 36 и 47»³, то есть в случаях поступления в ЕСПЧ индивидуальной жалобы, рассмотрения так называемых «межгосударственных дел», участия в деле третьей стороны или дачи Судом консультативных заключений.

Конвенционные нормы наполняются конкретным содержанием именно за счет постановлений ЕСПЧ, и применение Конвенции без учета этих постановлений фактически невозможно.

В юридической науке существуют различные точки зрения по вопросу о соотношении практики Европейского суда по правам человека с ЕКПЧ. Некоторые ученые предлагают рассматривать постановления ЕСПЧ как непосредственную часть Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Однако правомерно предположить, что такой подход противоречит природе Конвенции как международного акта, подписанного государствами – членами Совета Европы, акта стабильного и определяющего особый порядок внесения в него изменений.

Многие исследователи пишут о том, что говоря о соотношении ЕКПЧ и правовых позиций Европейского суда по правам человека, стоит обратить внимание на то, что постановления ЕСПЧ в правоприменительной практике играют гораздо большую роль нежели Конвенция. Это связано с тем, что ЕКПЧ применяется уже более 60 лет, и ее текст, «вполне типичный для любой современной декларации прав, никогда не мог дать точных ответов на все вопросы, связанные с защитой прав человека в Европе»⁴. Приспособиться к изменяющейся социально-политической действительности и отвечать на все новые возникающие вопросы позволяет прецедентное право, создаваемое Европейским судом по правам человека. Важно подчеркнуть, что вопрос о прецедентном значении решений Европейского суда по правам человека напрямую не отражен в ЕКПЧ. Тем не менее очевидно, что если государства-участники обязаны обеспечить каждому человеку права и свободы, определенные в разделе I Конвенции (статья 1 ЕКПЧ), то они равным образом обязаны обеспечить единообразное применение Конвенции в соответствии с тем толкованием, которое дает ей ЕСПЧ.

Однако Европейский суд по правам человека является далеко не единственным органом, занимающимся толкованием и применением Европейской конвенции.

До вступления в силу Лиссабонского договора и распространения на положения принятой в 2000 году Хартии Европейского Союза об основных правах юрисдикции Суда Европейского союза Суд ЕС решал проблему защиты прав человека посредством создаваемого им прецедентного права ввиду отсутствия у ЕС собственного «каталога прав человека». При принятии решений по делам, связанным с правами человека, Суд ЕС часто ссылался на нормы ЕКПЧ и их толкование, данное Европейским судом по правам человека. Так, в деле «Roland Rutili v. Ministre de l'interieur» Суд ЕС впервые прямо указал на ЕСПЧ как орган, «предоставляющий принципы, которым необходимо следовать в том числе в рамках права Сообществ»⁵. Позже в своих решениях по некоторым делам Суд ЕС прямо ссылается на практику Европейского суда по правам человека.

Однако иногда Суду ЕС приходилось решать вопросы, по которым практики ЕСПЧ еще не существовало. В таких случаях Суд Европейского союза интерпретировал нормы Конвенции самостоятельно.

Необходимо подчеркнуть, что высказанная Судом ЕС позиция по отдельным вопросам о правах человека впоследствии часто не совпадала

с точкой зрения ЕСПЧ. Впервые такая ситуация сложилась в 1980 году. При рассмотрении дела «National Panasonic (UK) Limited v. Commission of the European Community» Суду ЕС необходимо было ответить на вопрос о том, имело ли место нарушение статьи 8 Европейской конвенции со стороны Комиссии ЕС. Данная статья устанавливает, что каждый имеет право на уважение его личной и семейной жизни, жилища и корреспонденции, и вмешательство в осуществление этого права со стороны публичных властей не допускается, за исключением определенных случаев. Комиссия, ссылаясь на возможность исчезновения некоторых документов компании «National Panasonic (UK) Limited», проводила в ее помещениях обыски без получения соответствующих разрешений и в отсутствие адвоката компании. Решения Европейского суда по правам человека, в которых содержалось бы толкование статьи 8 ЕКПЧ, а именно ответ на вопрос о том, распространяются ли ее положения на юридических лиц, отсутствовали, и Суд ЕС, самостоятельно истолковав ЕКПЧ, подтвердил полномочия Комиссии на проведение обысков в офисах компаний в том случае, если есть основания полагать, что необходимые документы могут исчезнуть, ссылаясь на закрепленный в статье 8 Конвенции критерий «необходимости для гражданского общества»⁶.

В 1989 году Европейский суд по правам человека выразил противоположную позицию по данному вопросу в решении по делу «Chappel v. The United Kingdom». Заявитель подал в ЕСПЧ жалобу на нарушение статьи 8 ЕКПЧ в связи с тем, что в помещении клуба по обмену видеокассетами, где он работал, должен был быть проведен обыск в связи с расследованием дела о нарушении авторских прав. Европейский суд констатировал факт нарушения статьи 8 ЕКПЧ, указав, что связь обыска с деловой активностью компании не является основанием для исключения применимости статьи 8 ЕКПЧ, так как вести профессиональную деятельность лицо может и находясь в своем жилище, а также может заниматься иной деятельностью, не относящейся к профессиональной, находясь в офисе или служебном помещении. Суд отметил, что «толкование понятий «личная жизнь» и «жилище» как охватывающих некоторую профессиональную деятельность и деловую активность или служебные помещения, было бы более созвучно с предметом и целью статьи 8 ЕКПЧ, а именно с защитой отдельных лиц от вмешательства в эти сферы со стороны властей»⁷.

Спустя полгода после вынесения ЕСПЧ рассмотренного выше решения Суд ЕС снова столкнулся с вопросом о толковании статьи 8

Конвенции при рассмотрении дела «Hoechst AG v. Commission». Компания «Hoechst» подозревалась в заключении нелегальных соглашений по установлению цен на доставку полиэтиленовой продукции, в связи с чем Комиссия проводила обыски в трех офисах общества с ограниченной ответственностью. Заявитель обратился в Суд ЕС, утверждая, что Комиссией было нарушено право на неприкосновенность жилища, закрепленное в статье 8 ЕКПЧ. Суд ЕС признал в качестве общего принципа права Сообществ, что любое вмешательство публичных властей в личную сферу физического или юридического лица должно иметь правовую основу, и лицам должна быть предоставлена защита от произвольного вмешательства. Тем не менее, не принимая во внимание решение ЕСПЧ по делу «Chappel», Суд продолжал настаивать на позиции, высказанной ранее, и подчеркнул, что данный принцип не означает существования права на неприкосновенность служебных помещений юридических лиц и что сфера действия статьи 8 ЕКПЧ ограничивается правом на неприкосновенность жилища физического лица⁸.

Стоит отметить, что практика Европейского суда по правам человека по данному вопросу не ограничилась вынесением решения по делу «Chappel» в 1989 году. Позднее ЕСПЧ подтвердил свою позицию в решениях по делам «Niemietz v. Germany» 1992 года и «Societe Colas Est and others v. France» 2002 года. В решении по первому делу ЕСПЧ указал, что «лишение человека защиты по статье 8 на том основании, что мера, против которой подана жалоба, относится к профессиональной деятельности, в данном случае рискует привести к неравенству, поскольку такая защита могла бы остаться доступной лишь для того, чья профессиональная и непрофессиональная деятельность настолько тесно переплетены, что нет никакой возможности их разграничить». Суд также отметил, что «в некоторых государствах-участниках, а именно в Германии, слово «жилище» («home» в английском варианте) распространяется на служебные помещения. Более того, такое толкование полностью созвучно французскому варианту текста, так как слово «domicile» имеет даже более широкое значение, чем «home», и может распространяться на деловой офис типа адвокатского»⁹. В решении по делу 2002 года ЕСПЧ еще раз подтвердил, что при определенных обстоятельствах статью 8 ЕКПЧ можно толковать как защищающую право на неприкосновенность зарегистрированного офиса компании или другого места ведения коммерческой деятельности юридического лица¹⁰.

Однако даже после неоднократного толкования ЕСПЧ статьи 8 Европейской конвенции Суд ЕС не стал отказываться от своей позиции. В решении по делу «Limburgse Vinyl Maatschappij NV and others v. Commission», вынесенном в 2002 году, Суд постановил, что не видит причин отступить от сложившейся практики по данному вопросу, основываясь на существовании общего принципа права Сообществ об обеспечении защиты от вмешательства публичных властей в частную жизнь. Более того, тот факт, что ЕСПЧ придерживается противоположной позиции по данному вопросу, никак не влияет на решение Суда ЕС¹¹.

Разногласия между ЕСПЧ и Судом ЕС возникали также при решении вопросов о толковании статьи 10 ЕКПЧ о праве на свободу выражения мнения. Суд ЕС впервые столкнулся с этим вопросом при рассмотрении жалобы по делу «Elliniki Radiophonia Tiléorassi AE and Panellinia Omospondia Syllogon Prossopikou v Dimotiki Etairia Pliroforissis and Sotirios Kouvelas and Nicolaos Avdellas and others» (дело ERT). Перед Судом встал вопрос о том, является ли тот факт, что греческая теле- и радиоккомпания получила от властей эксклюзивные права на осуществление деятельности по теле- и радиовещанию, фактически став «монополистом» в этой области, нарушением статьи 10 ЕКПЧ. Указав на то, что в данном случае норма статьи 10 ЕКПЧ носит для него лишь рекомендательный характер, Суд ЕС не признал наличия нарушения в том, что греческое законодательство допускает создание подобного рода «монополий»¹². Столкнувшись с похожим вопросом в деле «Informationsverein Lentia and others v. Austria», ЕСПЧ пришел к противоположному выводу. Австрийская телекомпания подала жалобу в Европейский суд на нарушение статьи 10 ЕКПЧ из-за невозможности создания телевизионной станции по австрийскому законодательству о лицензировании. ЕСПЧ признал, что наличие законодательных ограничений является вмешательством в осуществление заявителем своего права на свободу выражения мнения, гарантированного статьей 10 Конвенции¹³.

После вступления в силу Лиссабонского договора и распространения юрисдикции Суда Европейского союза на положения Хартии Европейского союза об основных правах, которая стала, по мнению многих исследователей, результатом систематизации правоприменительной практики Суда ЕС и конституционных традиций государств – членов Европейского союза в области защиты основных прав и свобод

человека¹⁴, случаи обращения Суда ЕС к Европейской конвенции и практике ЕСПЧ заметно сократились.

В 2012 году профессором права Нью-Йоркского Университета Г. Де Бурка было проведено исследование, в ходе которого было подсчитано, сколько раз за период с декабря 2009 года по сентябрь 2012 года Суд ЕС в своих решениях ссылался на положения Хартии и других международных договоров. Из 78 решений, которые были приняты на основе положений Хартии, лишь в 10 содержались ссылки на Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод, а позиции ЕСПЧ упоминались в 5 решениях. Среди других международных договоров, на которые Суд ЕС ссылался в своих решениях, профессор упоминает Конвенцию ООН о статусе беженцев 1951 года и Конвенцию ООН о правах ребенка 1989 года¹⁵.

Несмотря на то, что Хартия ЕС об основных правах, как уже было отмечено ранее, воспроизводит большинство положений об основных правах человека, закрепленных в ЕКПЧ, данное исследование показывает, что Суд ЕС все чаще толкует и применяет этот документ Европейского союза в отрыве от Европейской конвенции и практики ЕСПЧ.

Толкование и применение Хартии ЕС об основных правах Судом ЕС и ЕСПЧ

Прежде, чем говорить непосредственно о толковании и применении Хартии ЕС об основных правах Судом Европейского союза, необходимо отметить, что ученые и практикующие юристы не единогласны в оценке природы прав человека, закрепленных в Хартии. Многие исследователи соглашаются с Председателем Суда ЕС В. Скурисом, который утверждает, что Хартия «являет собой кодификацию практики Суда ЕС», имея в виду решения Суда Европейского союза, в которых соблюдение прав человека было отнесено к основным принципам права ЕС, и является уникальным документом. Другие, напротив, утверждают, что Хартия – результат кодификации прав человека, которые до ее принятия содержались в текстах конституций государств – членов ЕС. Принимая во внимание те статьи Хартии, в которых содержатся принципиально новые положения о правах, не закрепленных ранее во многих конституциях государств-членов ЕС, первая позиция представляется более правильной, хотя и роль конституций государств-членов, безусловно, отрицать нельзя. Однако при этом невыясненным остается вопрос о том, насколько соответствует сложившейся практике Суда

ЕС оговорка, сделанная в пункте 1 статьи 51 Хартии, а также о ее влиянии на толкование и применение положений документа Судом ЕС.

Пункт 1 статьи 51 Хартии устанавливает, что положения Хартии «адресованы государствам-членам ЕС только тогда, когда они имплементируют право ЕС»¹⁶. Стоит отметить, что первоначально, еще задолго до принятия Хартии, решения Суда ЕС, в которых затрагивались вопросы прав человека, относились исключительно к оспариванию актов, принятых институтами ЕС. В 1989 году Судом ЕС было вынесено решение по делу «Herbert Wachauf v. Bundesamt für Ernährung und Forstwirtschaft» (дело Wachauf), в котором было впервые указано, что национальные правовые акты государств-членов, имплементирующие право ЕС, должны также приниматься с учетом основных прав человека. В пункте 19 решения Суд ЕС говорит о требовании соблюдения прав человека следующее: «Так как это требования также является обязательным для государств-членов, когда они имплементируют нормы права Сообщества, государство-член должно, насколько это возможно, применять эти нормы в соответствии с этим требованием»¹⁷. Спустя два года позиция Суда в отношении соблюдения основных прав человека стала еще более широкой, распространившись на акты, принимаемые государствами-членами ЕС в порядке отступления от установленных ЕС в случаях и на основаниях, разрешенных учредительными договорами. Так в решении по делу «Elliniki Radiophonia Tiléorassi AE and Panellinia Omospondia Syllogon Prossopikou v Dimotiki Etairia Pliroforissis and Sotirios Kouvelas and Nicolaos Avdellas and others» (дело ERT) 1991 года Суд отметил, что «национальные правила могут быть расценены как допустимые отклонения от требований права ЕС, только если эти правила не нарушают права человека»¹⁸. В том же году в решении по делу «Annibaldi» Суд ЕС распространяет свой контроль за соблюдением прав человека на все действия государств-членов «в сфере права ЕС», оставляя за собой право каждый раз определять, подпадают ли они под данный критерий¹⁹.

Таким образом, оговорка, сделанная в пункте 1 статьи 51 Хартии, явно не является результатом кодификации устоявшейся практики Суда ЕС по вопросам соблюдения прав человека. Интересно, что многие исследователи связывают такой ограниченный характер ее применения в том числе и с неготовностью Суда ЕС выносить решения по всем делам, связанным с нарушениями прав человека в ЕС. Однако такая позиция противоречит практике самого Суда, сложившейся уже после

вступления Хартии в силу. В своих решениях Суд ЕС всячески старается расширить сферу применения Хартии.

Одним из примеров таких решений может служить решение по делу «Gerardo Ruiz Zambrano v. Office national de l'emploi (ONEm)» (дело Ruiz Zambrano), касавшееся отказа властей Бельгии предоставить вид на жительство и пособие по безработице отцу троих детей, двое из которых имеют гражданство ЕС. Суд ЕС заявил, что в данном деле вопросы предоставления вида на жительство и пособия по безработице находятся в сфере права ЕС и сослался на положения статьи 20 Договора о функционировании Европейского союза о гражданстве ЕС и правах граждан ЕС. По мнению Суда ЕС, данная статья «прямо исключает принятие национальных мер, последствием которых может быть лишение граждан Союза использовать их права, вытекающие из статуса граждан Союза». В случае непредставления отцу детей, являющихся гражданами ЕС, вида на жительство и пособия по безработице дети могут быть вынуждены сменить место жительства или вовсе покинуть территорию ЕС и, соответственно, будут лишены возможности использования прав, закрепленных в статье 20 ДФЕС²⁰.

Другим примером расширительного толкования Хартии Судом ЕС может служить решение по делу «Åklagaren v. Hans Åkerberg Fransson» (дело Fransson). По данному делу с запросом в Суд Европейского союза обратился шведский суд, рассматривавший уголовное дело в отношении гражданина Франссона, обвиняемого в умышленном искажении налоговой отчетности и неуплате налогов, включая НДС. Ввиду того, что подсудимый сначала был привлечен к административной ответственности и уплатил штраф за предоставление недостоверных сведений в налоговой отчетности, Суду ЕС предстояло ответить на вопрос о том, будет ли привлечение Франссона к уголовной ответственности за это же деяние противоречить принципу, закрепленному в статье 50 Хартии. Данная статья гласит, что «никакое лицо не должно быть повторно судимо или наказано в уголовном порядке за преступление, в совершении которого оно уже было окончательно оправдано или осуждено на территории Европейского союза в соответствии с законом»²¹.

Важно отметить, что этот же принцип закреплен в статье 4 Протокола № 7 к Европейской конвенции, и Европейский суд по правам человека не раз выносил решения, в которых давал толкование права не быть судимым и наказанным дважды. Практика ЕСПЧ по данному вопросу весьма противоречива, о чем можно судить, например, исходя

из разъяснений Суда, данных в решении по делу «Сергей Золотухин против России» от 10 февраля 2009 г.²²

Однако Суд ЕС в своем решении не ссылается ни на статью 4 Протокола № 7 к ЕКПЧ, ни на многочисленные решения Европейского суда. Расширительно толкуя уже не раз упомянутую статью 51 Хартии, он приходит к выводу о том, что вопрос о привлечении гражданина Франссона к ответственности находится «в сфере права ЕС», на основании того, что административное наказание в виде штрафа, наложенное на него ранее, является «частью системы ЕС по эффективному сбору НДС». Отвечая на вопрос шведского суда, Суд ЕС утверждает, что принцип, закрепленный в статье 50 Хартии, не исключает привлечения нарушителя как к налоговой, так и уголовной ответственности при условии, что наказание в рамках первой не является уголовным по своей природе. Суд ЕС разъясняет, что при решении таких вопросов необходимо руководствоваться критериями, главным из которых является тяжесть наказания, и приходит к выводу о том, что в рамках данного дела наказание в виде уплаты штрафа по своей природе уголовным не является.²³ При этом Суд ЕС в своем решении ни разу не упоминает о «критериях Энгеля», установленных Европейским судом по правам человека при разрешении дела «Engel and Others v. the Netherlands» в 1976 году²⁴, и с тех пор применяемых при решении вопроса о применимости статьи 6 ЕКПЧ о праве на справедливое судебное разбирательство к правоотношениям, связанным с привлечением лица к юридической ответственности.

Не менее интересным примером толкования Хартии Судом Европейского союза является решение по делу «Melloni v. Ministerio Fiscal» (дело Melloni), в котором Суд ЕС дает разъяснения относительно применения ее статьи 53. Гражданин Италии Меллони, задержанный в Испании за совершение мошенничества, был заочно осужден в Италии и приговорен к 10 годам лишения свободы. С запросом в Суд ЕС обратился конституционный суд Испании, отказывавший в выдаче преступника на основании того, что рассматривал заочное осуждение в качестве нарушения прав человека. Ссылаясь на статью 53 Хартии о том, что ни одно ее положение не может толковаться как ограничивающее или наносящее ущерб правам человека и основным свободам в соответствующей сфере их применения, установленным конституциями государств-членов, испанский суд утверждал, что в данном случае национальная система защиты прав человека шире,

нежели система защиты прав человека по праву ЕС, а значит нормы права ЕС могут не применяться. Однако Суд ЕС истолковал данную статью иначе, указав на то, что толкование, данное испанским судом, противоречит принципу верховенства права Европейского союза. Несоответствие каких-либо норм права ЕС национальным конституционным традициям не является основанием для неприменения норм права ЕС даже в том случае, если возможности для защиты прав человека в рамках последних шире. Также в своем решении Суд указал, что в данном деле право обвиняемого присутствовать на судебном заседании не было нарушено, так как он должным образом был извещен о времени и месте судебного разбирательства, и в его отсутствие его интересы представлял адвокат²⁵.

Таким образом, исходя из приведенных выше примеров решений, вынесенных Судом ЕС по делам о защите прав человека, видно, что толкуя положения Хартии, среди которых и пункт 1 статьи 51, Суд ЕС продолжает придерживаться того же подхода, который был избран им еще задолго до принятия этого документа. Более того, последнее время Суд ЕС все реже ссылается в своих решениях как на Европейскую конвенцию о защите прав человека, так и на практику ЕСПЧ.

Говоря об ограниченном характере применения Хартии, практикующие юристы высказывают предположение о том, что оговорка, сделанная в пункте 1 статьи 51 должна была помочь избежать конкуренции в вынесении решений по делам о правах человека между Судом ЕС, ЕСПЧ и национальными конституционными судами государств-членов. Суд ЕС должен был быть «гарантом соблюдения основных прав человека» только в случае, определенном в пункте 1 статьи 51 Хартии, а во всех остальных, когда государства-члены не имплементируют право ЕС, таковым должен был являться ЕСПЧ. Однако Суд ЕС явно не согласен с такой позицией.

Некоторые исследователи, занимающиеся вопросами, связанными с возможностью присоединения ЕС к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, говорят о том, что подход Суда ЕС к толкованию Хартии и его стремление самостоятельно выносить решения по делам о правах человека, не ссылаясь ни на ЕКПЧ, ни на практику Европейского суда по правам человека, связаны с его нежеланием быть «подконтрольным» ЕСПЧ в том случае, если присоединение ЕС к ЕКПЧ все же состоится. На основании этого некоторые специалисты по праву ЕС утверждают, что Судом ЕС может быть дано

отрицательное заключение по вопросу о соответствии праву ЕС проекта Соглашения о присоединении.

Нельзя не отметить, что Европейский суд по правам человека в последние годы также часто применяет Хартию ЕС об основных правах и, более того, вынося решения по некоторым делам со ссылкой на документ ЕС о правах человека, отказывается от своей многолетней практики по тем или иным вопросам. Примером такого решения может служить решение ЕСПЧ по делу «Scorolla v. Italy», в котором ЕСПЧ отказывается от утверждения о том, что статья 7 ЕКПЧ не гарантирует права на применение в отношении преступника более мягкого наказания, установленного законом, введенным в действие после совершения преступления. Ссылаясь на наличие в статье 49 Хартии правила, согласно которому «если после совершения правонарушения законом устанавливается более легкое наказание, оно подлежит применению», ЕСПЧ говорит о том, что и статья 7 Европейской конвенции гарантирует не только принцип отсутствия обратной силы у более строгого уголовного закона, но и подразумевает придание обратной силы более мягкому уголовному закону²⁶.

Таким образом, несмотря на то, что между двумя основными актами Европейского союза и Совета Европы по правам человека отсутствуют противоречия с юридической точки зрения, неоспорим тот факт, что толкования и применение этих документов Судом ЕС и Европейским судом по правам человека зачастую не совпадают и даже противоречат друг другу. Данное обстоятельство является одним из препятствий на пути к практической реализации положений о присоединении ЕС к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, закрепленных в Договоре о Европейском союзе и Протоколе № 14 к ЕКПЧ, а также в Соглашении о присоединении.

European Union Charter of Fundamental Rights; European Convention on Human Rights – Comparative Analysis of Interpretation and Application by the European Court of Justice and the European Court of Human Rights (Summary)

Victoria O. Ryabova

The negotiators, representatives of the Council of Europe member states and of the European Union, finalised the draft accession agreement of the European Union to the European Convention on Human Rights in spring, 2013. Due to the fact that the possibility of the accession is now not confined to the provisions of Protocol 14 to the European Convention on Human Rights and article 6 of the Treaty on European Union, the questions of cooperation between the ECJ and the ECtHR and interpretation and application of the main European acts on human rights – the European Union Charter of Fundamental Rights and the European Convention on Human Rights – are becoming more and more important.

Keywords: European Court of Justice; European Court of Human Rights; European Union Charter of Fundamental Rights; European Convention on Human Rights; accession of the EU to the ECHR.

¹ Charter of fundamental Rights of the European Union. https://www.coe.int/t/ngo/Source/reading_guide_charter_en.pdf

² Explanations relating to the Charter of Fundamental Rights // Official Journal of the European Union, C 303. – Vol. 7. – P. 120–138.

³ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. <http://conventions.coe.int/Treaty/en/Treaties/Word/005.doc>

⁴ Гарлицкий Л. Сотрудничество и конфликт (несколько наблюдений из практики взаимодействия Европейского Суда по правам человека и национальных органов конституционного правосудия) // Имплементация решений Европейского Суда по правам человека в практике конституционных судов стран Европы: Сб. докладов. М., 2006. С. 9.

⁵ Roland Rutili v. Ministre de l'interieur, 28.10.1975. Case 36–75.

* Victoria O. Ryabova – postgraduate student of the Chair of European Law, MGIMO-University MFA Russia. victoryabova@gmail.com.

- ⁶ National Panasonic (UK) Ltd. v. Commission, 1980. Case 136/79.
- ⁷ Chappell v. United Kingdom. Application No. 10461/83. 30.03.1989.
- ⁸ Hoechst AG v. Commission, 1989. Joint cases 46/87 and 227/88.
- ⁹ Niemietz v. Germany. Application No. 13710/88. 16.12.1992.
- ¹⁰ Societe Colas Est and others v. France. Application No. 37971/97. 16.04.2002.
- ¹¹ Limburgse Vinyl Maatschappij and others v. Commission. 15.10.2012.
- ¹² Elliniki Radiophonia Tiléorassi AE and Panellinia Omospondia Syllogon Prossopikou v Dimotiki Etaireia Pliroforissis and Sotirios Kouvelas and Nicolaos Avdellas and others. 18.06.1991.
- ¹³ Informationsverein Lentia and others v. Austria. Applications No. 13914/88, 15041/89, 15717/89, 15779/89, 17207/90. 24.11.1993.
- ¹⁴ Бирюков М. М. Европейское право: до и после Лиссабонского договора. Учебное пособие. Статут, М., 2013. С. 222.
- ¹⁵ The European Court of Justice / Edited by Grainne de Burca and J.H.H. Weiler. Oxford University Press; New York, 2012.
- ¹⁶ Charter of fundamental Rights of the European Union. https://www.coe.int/t/ngo/Source/reading_guide_charter_en.pdf
- ¹⁷ Herbert Wachauf v. Bundesamt für Ernährung und Forstwirtschaft. Case 5/88. 1989.
- ¹⁸ Elliniki Radiophonia Tiléorassi AE and Panellinia Omospondia Syllogon Prossopikou v Dimotiki Etaireia Pliroforissis and Sotirios Kouvelas and Nicolaos Avdellas and others. Case C-260/98. 1991.
- ¹⁹ Annibaldi. Case C-309/96. 1997.
- ²⁰ Gerardo Ruiz Zambrano v. Office national de l'emploi (ONEm). Case C34/09. 8.03.2011.
- ²¹ Charter of fundamental Rights of the European Union. https://www.coe.int/t/ngo/Source/reading_guide_charter_en.pdf
- ²² Сергей Золотухин против России. Жалоба № 14939/03. 10.02.2009.
- ²³ Åklagaren v. Hans Åkerberg Fransson. Case C617/10. 26.02.2013.
- ²⁴ Engel and Others v. the Netherlands. Application no.5100/71; 5101/71; 5102/71; 5354/72; 5370/728.06.1976.
- ²⁵ Melloni v. Ministerio Fiscal. Case C-399/11. 26.02.2013.
- ²⁶ Scopolla v. Italy. Application no.126/05. 22.05.2012.

ХРОНИКА

Трехсторонний исследовательский семинар по вопросам регионализма и международного права в Казанском университете

Абдуллин А. И.*

Давлетгильдеев Р. Ш.**

Асадуллин И. Р.***

В юбилейный для Казанского университета год 210-летия со дня основания, 25–26 сентября 2014 года на базе кафедры международного и европейского права юридического факультета прошел очередной трехсторонний российско-франко-германский исследовательский семинар совместно с центром международного права Университета Париж-10 Нантерр (Франция) и центром по правам человека Университета города Потсдам (Германия) по теме «Регионализм и международное право». На этот раз исследовательский семинар был проведен в рамках Международной научно-практической конференции «Юридическая наука и образование в XXI веке (к 210-летию Казанского университета).

* Абдуллин Аделъ Ильсиярович – доктор юридических наук, заведующий кафедрой международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань).

** Давлетгильдеев Рустем Шамилович – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань).

*** Асадуллин Искандер Ринатович – ассистент кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань). iskander.asatullin@gmail.com.